

семантическая особенность редуцированных образований основана, прежде всего, на последовательном соположении, линейной зависимости и обусловленности семантически и формально тождественных звукокомплексов.

Редупликация играет также важную роль в словообразовании. В крымскотатарском языке в результате удвоения звукоизобразительной основы образованы такие слова: *гъагъа* – клюв, *вайваламакъ* – причитать о чём-либо, *кужукъкъуш* – кукушка, *лейлек* – аист, *тыртыр* – гусеница, *чырчырна* – кузнецик, *хахылдамакъ* – громко смеяться, *хихылдамакъ* – хихикать.

Таким образом, редупликация, являясь одним из признаков звукоизобразительных слов, их идентификации, имеет значение интенсивности, многократности действия, придаёт действию/явлению различные оттенки путём изменения гласной/согласной в основе, является одним из способов расширения семантики подражательной лексики путём полного или частичного изменения второй основы редуцированных форм, а также играет важную роль в словопроизводстве.

Источники и литература

1. Аганин Р. А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке / Аганин Р. А. – М.: Наука, 1959. – 121 с.
2. Дмитриев Н. К. Парные словосочетания в башкирском языке / Н. К. Дмитриев // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук. – 1930. – № 7. – С. 501.
3. Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке / Кайдаров А. Т. – Алма-Ата: Наука, 1958. – 168с.
4. Цинциус В. И., Летагина Н. И. К истории форм множественности в алтайских языках / В. И. Цинциус, Н. И. Летагина // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. – Л., 1978. – С. 200-209.
5. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология / Юнусалиев Б. М. – Фрунзе: Учпедгиз, 1959. – Ч. 1. – 248 с.

Рецензент: д.филол.н., проф. **Меметов Айдер Меметович**, Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского, факультет крымскотатарской и восточной филологии.

Бекирова Л.И.

УДК 811.512.145'33

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ НА – А ЭДИ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Постановка проблемы. В современной тюркологии разработка проблематики грамматического строя тюркских языков и создание на этой основе разнообразных научных и учебных грамматик отдельных языков остается одним из главных и самых актуальных направлений тюркского языкознания. Вместе с тем крымскотатарский язык относится к числу малоизученных современных тюркских языков. Очень мало подвергнуты исследованию грамматические категории его строя, многие из них еще остаются нетронутыми учеными.

Актуальность. К числу малоисследованных проблем относится категория прошедшего времени изъявительного наклонения глагола современного крымскотатарского языка, исследование которой является первоочередной задачей крымскотатарского языкознания. В статье, проводится анализ функционирующих форм глагола прошедшего времени изъявительного наклонения на – *а эди*.

Цель статьи - выявить форму прошедшего времени изъявительного наклонения глагола - *а эди*, существующую в современном языке, определить ее функциональные формы;

- показать основные семы, характерные для выявленной формы, ее употребление в языке;
- показать аналитизм данной формы в грамматической структуре крымскотатарского языка;

Аналитические формы функционируют в крымскотатарском языке главным образом в сфере прошедшего времени. Каждая из аналитических форм обладает своим, только ей присущим значением или оттенком значений, не совпадающими со значением других форм. При этом специфическое значение формы может проявляться сильнее или слабее, колебания может быть очень значительным - «от резкой специфики формы до почти полной утраты ее, следствием чего бывает возможность употребления одной формы вместо другой» [1; с. 114-115].

Аналитические формы прошедшего времени и по строению, и по значению, и по сфере употребления весьма разнородны – они отличаются друг от друга внутри отдельных языков, но еще более существенные различия имеют они в разных тюркских языках. Из всех форм прошедшего времени именно в аналитических формах ярче всего проявляется специфика крымскотатарского языка, отличающая его от кыпчакских и других тюркских языков.

В современном крымскотатарском языке одной из таких аналитических форм – является форма прошедшего времени глагола на – *а эди*.

В иерархии форм прошедшего времени эта форма:

- 1) входит в группу аналитических форм;
- 2) представляет собой форму, сочетаемую с *эди* (а не с *экен*);
- 3) состоит из сочетания двух элементов: *-а* и *эди*.

Тюркологи считают первый элемент этой формы *-а* восходящим к причастию на *-р*, в таком случае форма на *-а эди* и форма на *-р эди* в крымскотатарском языке имеют единый источник [2; с. 240].

Эта форма в современном крымскотатарском языке весьма употребительна, также как в башкирском и татарском. Она образована сочетанием универсального аффикса *-a/e/ü*, называемого в тюркологии нередко «аффиксом деепричастия», с недостаточным служебным глаголом в форме *эди*.

Таким образом, это время образуется по модели: *глагол+а+эди*. Эта модель в чистой форме указывает на положительную форму, от которой могут образоваться формы других аспектов: отрицательной, возможности, невозможности, вопросительной.

В монографии Меметова и Мусаева она названа «определенным имперфектом», «прошедшее время данного момента» [3; с. 214].

Основное значение этой формы – прошедшее длительное, очевидное, не всегда завершённое действие, совершаемое в прошлом на фоне другого действия. Это – как бы прошедшее время в прошедшем времени. Значение незавершённости действия формы на *-а эди* выявляется четко при сопоставлении ее значения со значением формы на *-гъан эди* при переводе текста с этими формами на русский язык: значение формы *-гъан эди* соответствует совершенному виду русского языка, *-а эди* – несовершенному виду.

Эта форма имеется не во всех современных кыпчакских языках. В кумыкском, ногайском и татарском языках форма претерпела стяжение [4; с. 145]. Однако ее значение не совпадает по языкам. Существование или отсутствие этой формы в кыпчакских языках может служить индикатором одного из классификационных признаков.

Н.К.Дмитриев утверждает, что в башкирском языке «Форма на *-а ине* (аналог крымскотатарской формы на *-а эди*) обозначает прошедшее незаконченное действие как очевидное, без хронологического уточнения, вне всякой связи с настоящим, в виде воспоминания. Если употребление формы на *-а ине* не вызвано желанием говорящего выразить указанное значение, она вовсе не имеет значения прошедшего времени, а служит для обозначения условного наклонения, где должна рассматриваться как указанная сторона значения формы на *-а ине*, так и формы на *-р ине* и *-сакъ ине*» [5; с. 147, 150, 154].

Н.К.Дмитриев подчеркивает, что в башкирском языке эта форма «показывает скорее фон действия, выраженного другими глагольными формами» [6; с. 146 – 147]. Это коренным образом отличается от значения крымскотатарской формы, которое происходит на фоне другого действия. Таким образом, существование одинаковых форм в языках еще не означает одинаковости их значения.

А.А.Юлдашев [7; с. 147], подвергнувший сравнительному исследованию эту форму, отмечает, что в тюркских языках «она обладает значениями очевидности, типичности, единичности и описательным значением».

По мнению А.А.Юлдашева [8; с. 148] «Форма на *-а эди* в кумыкском языке в большей мере употребляется для обозначения единичного действия, что объясняется, очевидно, возможностью обозначения типичного незаконченного действия другой формой – на *-р эди*». К типичному значению формы на *-а эди* в кумыкском он относит примеры наподобие: *Сени эвде тапмай эдим*. [Л.т.] ‘Я не находил тебя дома (обычно, когда приходил к тебе)’.

В татарском, башкирском и ногайском языках характерными значениями для данной формы являются обозначение единичного незаконченного очевидного действия. Типичное незаконченное очевидное действие может быть обозначено редко употребляемой в этих языках формой *-р эди*. В них вместо *-р эди* употребительно *-а турган эди* (в казахском соответственно *-атын еді*). Это также отличает крымскотатарский язык, в котором отсутствует подобная форма, от указанных близкородственных кыпчакских языков. Эти явления показывают дальнейшее самостоятельное развитие кыпчакских языков после распада пракрыпчакского языка-основы. В современных тюркских языках, где имеется эта форма, она приобрела много различных значений, часть которых может стать классификационными признаками, как групп языков, так и отдельных языков.

Эта модель времени в крымскотатарском языке по нашим наблюдениям, употребляется чаще, чем синонимичная по семантике в некоторых отношениях форма на *-р эди*, правда, пока отсутствует специальное статистическое исследование.

Рассматриваемая форма имеет три фонетических варианта, которые подчиняются закону небной гармонии и характеру последнего звука глагольной основы, к которой она присоединяется: после твердых основ, оканчивающихся на согласный звук, *-а эди*, после мягких основ, оканчивающихся на согласный звук *-е эди*, после основ, оканчивающихся на гласный *-й эди*.

Функционирующие формы глагола на *-а эди*.

При спряжении глагола в форме на *-а эди*, как и во всех аналитических формах с *эди*, к нему присоединяются аффиксы лица второй группы. Спряжение данной формы имеет много общего со всеми аналитическими формами, образуемыми вспомогательным глаголом *эди*.

Модель *глагол+а эди* в «нулевой» форме имеет две грамматические функции:

- 1) указывает на прошедшее время;
- 2) обозначает третье лицо единственного числа.

Модель выражает положительное действие и одновременно является формой положительного аспекта. Формы аспектов отрицания, возможности, невозможности и вопросительного образуются от нее прибавлением дополнительных грамматических средств. Поскольку указанные формы аспектов присоединяются к глаголу до вспомогательного глагола *эди*, прибавление аффиксов лица к *эди* осуществляется одинаково для всех этих форм.

Парадигма спряжения формы на *-а эди*

в положительном аспекте

Единственное число Множественное число

1л. -а/е/й эди-м -а/е/й эди-к

2л. -а/е/й эди-нь -а/е/й эди-ньиз

2л. вежл. -а/е/й эди-ньиз

3л. -а/е/й эди -а/е/й эди-лер

Спряжение глагола в форме на -а эди в положительном аспекте

Единственное число

1л. мен ал-а эди-м 'я в то время брал', мен бер-е эди-м 'я тогда давал', мен айт-а эди-м 'я тогда говорил', мен окъу-й эди-м 'я тогда читал'

2л. сен ал-а эди-нь, сен бер-е эди-нь, сен айт-а эди-нь, сен окъу-й эди-нь

вежл. сиз ал-а эди-ньиз, сиз бер-е эди-ньиз, сиз айт-а эди-ньиз, сиз окъу-й эди-ньиз

3л. о ал-а эди, о бер-е эди, о айт-а эди, о окъу-й эди

Множественное число

1л. биз ал-а эди-к 'мы в то время брали', биз бер-е эди-к 'мы тогда давали', биз айт-а эди-к 'мы тогда говорили', биз окъу-й эди-к 'мы тогда читали'

2л. сиз ал-а эди-ньиз, сиз бер-е эди-ньиз, сиз айт-а эди-ньиз, сиз окъу-й эди-ньиз

3л. олар ал-а эди(лер), олар бер-е эди(лер), олар айт-а эди(лер), олар окъу-й эди(лер)

Присутствие аффикса множественного числа в третьем лице множественного числа иногда является факультативным. Можно сказать: олар келе эдилер, можно сказать и олар келе эди 'они обычно приходили'.

Колхоз реиси ве зоотехник, идареде отурып, къойларыны баарьде къайсы отлаккъа айдамакъ меселесини аль эте эдилер [9; с. 22]. 'Председатель колхоза и зоотехник, обычно (тогда, в то время, в прошлом), сидя в правлении, обсуждали, куда же выгонять овец весной'.

Таблица парадигмы спряжения выше дана для положительного аспекта. Форма употребляется также в аспектах: отрицательном, возможности, невозможности и вопросительном. При всех формах аспектов парадигма спряжения глагола остается как при спряжении положительной формы.

Отрицательный аспект образуется посредством аффикса -ма/ме, после которого вместо трех вариантов аффикса при главном глаголе употребляется лишь одно фонетическая форма – -й. Таким образом, отрицательный аспект прошедшего времени на -а эди имеет модель глагол+ма/ме+й+эди. Соответствующие аффиксы лица и числа прибавляется к служебному глаголу эди: окъу+ма+й+эди+нь 'ты тогда не читал', окъу+ма+й+эди+лер 'они тогда не читали' и т.д. В отрицательном аспекте выражается действие или состояние, которое не совершается в прошлом.

Употребление отрицательной формы в третьем лице: *Саба ишке кеткенде, къадыныны отьмегендже, къапудан чыкъмай эди* [10; с. 207]. Уходя утром на работу, он не выходил из дверей, пока не поцелует свою жену'. Продолжительность времени действия в этом примере выражена двумя причастными оборотами. Этот пример свидетельствует о том, что данная форма может выражать сему, контактную с настоящим временем.

Отрицательная форма в первом лице: *Бир заманларда беи-алты куреичини йыкъмагъандже мейдандан чыкъмай эдим* [11; с. 9]. 'Когда-то пока не поборю пять-шесть борцов, я не уходил с манежа'. В предложении имеется указание на продолжительность времени действия в прошлом в словосочетании *бир заманларда*(когда-то).

В этих примерах выражены действия, которые обычно или всегда не совершались в прошлом. Формы аспектов возможности и невозможности имеют ограниченную частоту употребления. При образовании форм аспектов возможности и невозможности участвуют вспомогательные глаголы ал-, биль-.

Аспект возможности. Моделью аспекта возможности является глагол+а/е/й+бил+е+эди: *бар+а+бил+е+эди* 'он тогда мог ходить, ездить туда', *кел+е+бил+е+эди* 'он тогда мог приходить, приезжать сюда'. В речи при стечении двух гласных: е+э не происходит выпадения первого гласного, как это имеет место в других кыпчакских языках, приведенные примеры произносятся соответственно: *бара биле эди, келе биле эди*: *О, башкъа ерде де чалышып озюни костере биле эди* [12; с. 246]. 'Он, работая и в других местах, мог показывать себя'.

Аспект невозможности образуется от формы аспекта возможности посредством аффикса отрицания, который присоединяется к вспомогательному глаголу ал-. После аффикса отрицания аффикс формы имеет вариант -й. Моделью аспекта невозможности является глагол+а/е/й+ал(биль)+ма+й+эди: *бар+а+ал+ма+й+эди* 'он тогда не мог ходить, ездить туда'; *кел+е+ал+ма+й+эди* 'он тогда не мог приходить, приезжать сюда'. *Мен университетте окъугъанда, Осман Москвагъа баралмай эди* [Л.т.]. 'Когда я училась в университете, Осман не мог ездить в Москву?'

Форма вопросительного аспекта образуется посредством вопросительного аффикса -ми, который присоединяется к вспомогательному глаголу: *оку-й эди+ми?* 'он читал (учился) тогда?'. *Энвер, о заманларда Ташкентте ишлей эдими?*[Л.т.]. 'Энвер в те времена работал в Ташкенте?' Вопросительная форма может сочетаться как с положительным аспектом, так и отрицательным аспектом: *чыкъмай эди ми?* 'он тогда не выходил?'

Таким образом, форма на – а эди обладает богатым арсеналом функционирующих форм прошедшего времени, часто используемых в литературе и обогащающих художественный стиль крымскотатарского языка.

Источники и литература

1. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках/ А.А. Юлдашев. – М., 1965.- С.119 – 120.

2. Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка/ А.Н. Кононов. – Ташкент, 1948.- 240 с.
3. Меметов А., К.Мусаев. Крымтатарский язык. Ч.І. Общие сведения о языке. Ч. ІІ. Морфология. Учебное пособие/ А. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь, 2003.- С.212-218.
4. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках/ А.А. Юлдашев. – М., 1965.- С.119 – 120.
5. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка/ Н.К. Дмитриев. – М.-Л., 1948.- 157 с.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., 1988. - 368 с.
7. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках/ А.А. Юлдашев. – М., 1965.- 190 с.
8. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести/ Э.Умеров. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
9. Эдемova У. «Юрек атеши» = Пламя души: /Повестлер/. У. Эдемova – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1987.-336 с.
10. Эмин С. «Ираде дерьясы»: Роман/ С. Эмин. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1917.- 376 с.
11. Эдемova У. «Юрек атеши» = Пламя души: /Повестлер/. У. Эдемova – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1987.-336 с.
12. Эмин С. «Ираде дерьясы»: Роман/ С. Эмин. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1917.- 376с.

Рецензент: Меметов А.М., д.филол.н., проф., декан фак. крт. и вост. филологии ТНУ им. В.И. Вернадского

Джелилов А.А.

УДК: 81'246.3'373.7

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Постановка проблемы. Изучение когнитивной фразеологии крымскотатарского языка представляется чрезвычайно важным, поскольку именно фразеология является ценнейшим источником сведений о культуре, менталитете, стереотипах народного сознания, отражающих представления того или иного народа о морали, привычках, восприятии окружающего мира и т.д., становясь достоянием языкового сознания.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Вопрос о восприятии во фразеологии когнитивной деятельности человека, рассматривался в работах А.М. Эмировой, Ю.Ф. Прадида, Г.А. Багаутдиновой [1 – 3]. Фразеосемантическое поле “восприятие” на материале крымскотатарского языка не было предметом специального исследования.

Цель и задачи статьи: выявить фразеологические единицы крымскотатарского языка, характеризующие восприятие; распределить их по фразеосемантическим подгруппам.

Объектом исследования являются фразеологические единицы идиоматического характера, обозначающие различные виды восприятия. Анализируемые фразеологические единицы представлены в следующей иерархии: фразеосемантическое поле “когнитивная деятельность человека”, фразеосемантическая группа “восприятие” и фразеосемантические подгруппы, характеризующие различные виды восприятия.

Восприятие (кр.тат. *менимсев*) – это субъективный образ предмета (явления, процесса), непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов, в совокупности его свойств, в его объективной целостности. Это отличает восприятие от ощущения – также непосредственно чувственного отражения, но лишь отдельных свойств предметов и явлений [6, с. 59].

Непосредственно контактируя с окружающим миром, человек получает информацию не только об определенных свойствах и качествах, что присуще тем или другим объектам или явлениям, чувствуя их, но и сведения о самих объектах как целостных образованиях. Такое целостное их отображение в мозге человека характеризует второе звено единственного процесса чувственного познания – восприятия.

Процесс восприятия происходит во взаимосвязи с другими психическими процессами личности: мышлением (мы осознаем объект восприятия), языком (называем его словом), чувствами (выявляем свое отношение к нему), волей (сознательным усилием организуем перцептивную деятельность). Важная роль в восприятии отведена эмоциональному состоянию личности, ее стремлению, переживанию содержания воспринятого. Эмоции предстают как мотив, внутреннее побуждение к познанию предметов и явлений. В восприятии предметов и явлений мира важную роль играют активность и действенность личности.

Фразеологические единицы, характеризующие процессы восприятия, дают субъективный образ зрительного и слухового предмета (явления, процесса), а также отражают предмет в совокупности его свойств. Восприятие также характеризуется со стороны полноты, целенаправленности, осмысленности и др. [3, с. 72 – 74].

Фразеологизмы крымскотатарского языка, отражающие процессы восприятия, можно разделить на следующие фразеосемантические подгруппы:

Идиомы, характеризующие целенаправленное зрительное восприятие: *козьден къачырмамакъ* кимни, нени (букв. не пропускать мимо глаз кого, что) ‘не упускать из виду’; *козюни алмамакъ* кимден, неден (букв. не брать глаз с кого-л., чего-л.) ‘смотреть внимательно, не отрываясь от кого-л., чего-л.’; *бакъыл къалмакъ* кимге, неге (букв. уставиться на кого, что) ‘уставиться, засмотреться на кого-л., что-л.’; *козь*